

Архимандрит Августин (НИКИТИН)

ЛЮБЛЮ ТЕБЯ, ПЕТРА ТВОРЕНЬЕ!

Часть 1

ДОМИК ПЕТРА I

Одним из иностранных путешественников, побывавших в Санкт-Петербурге в первой половине XVIII века, был датчанин Педер фон Хавен (1715–1757). Окончив богословский факультет университета в Оденсе (1734), он отправился в заграничное путешествие и в 1736 году прибыл в Санкт-Петербург, где провел несколько месяцев. В своих записках под названием «Путешествие в Россию» (Копенгаген, 1743) датский автор, как и его предшественники, упоминает о тех исторических местах, «откуда пошел ест» град Петров. «Между крепостью и Аптекарским островом находится остров, называемый Старым Петербургом. <...> Там есть маленький дом — самый первый, построенный в Петербурге, причем собственноручно самим императором Петром Первым»¹, — пишет Педер фон Хавен.

В 1738 году о домике Петра I упомянул и Антиох Кантемир: «Напротив Адмиралтейского острова к востоку лежит Петербургский остров. В этой части города справа видим русскую Троицкую церковь и близ нее первый дом, который Петр велел здесь построить, как только заложил сам город. Дом сохраняется в память и по сей день. Упомянутая церковь хотя и выстроена преимущественно из дерева, но тоже имеет красивые куранты»².

По желанию Елизаветы, дочери императора, в его домик была перенесена любимая икона Петра I «Спас нерукотворный». Икона была написана в XVII веке знаменитым московским иконописцем Ушаковым для царя Алексея Михайловича, отца Петра. Ею будущий император получил родительское благословение. Образ был с Петром при начале строительства Петербурга, в Полтавской битве, находился в по-

Архимандрит Августин (в миру — Дмитрий Евгениевич Никитин) родился в 1946 году в Ленинграде. Окончил физический факультет Ленинградского государственного университета. В 1973 году принял монашеский постриг с именем Августин. Пострижен в монашество митрополитом Никодимом в Благовещенской церкви его резиденции в Серебряном Бору в Москве. В 1974 году рукоположен во иеродиакона и иеромонаха. Окончил Санкт-Петербургскую духовную академию, преподаватель, доцент Санкт-Петербургской духовной академии.

¹ Педер фон Хавен. Путешествие в Россию // Беспярых Ю. Н. Петербург Анны Иоанновны в иностранных описаниях. СПб., 1997. С. 359.

² Кантемир А. Д. Описание Кронштадта и Петербурга // Беспярых Ю. Н. Петербург Анны Иоанновны в иностранных описаниях. СПб., 1997. С. 460.

коях императора при его кончине. В XVIII—XIX веках икона стала самой почитаемой в Петербурге. Перед этим образом как перед святыней дома Романовых молились все императоры. Здесь эту икону могли видеть иностранные путешественники, посещавшие Санкт-Петербург³.

**Домик Петра I.
Икона «Спас нерукотворный»⁴**

Лампады луч божественный
Не угасает там, —
И сладкий гимн торжественный
Восходит к небесам.
В священном облачении,
Душ пастырь, иерей
К Спасителю моления
Возносит за людей.
С коленопреклонением
Внимает им народ
И молит с умилением
Подателя щедрот.
И много было пролито
Пред образом тем слез!
Они дороже золота,
Душистее всех роз.
Те слезы сокрушения
Спаситель отирал,
За скорбь, за все мучения
Нам радость посылал.
И много там свершилось
От Господа чудес,
И много исцелилось
Душ грешных и телес.
Кто с верою в Спасителя
К иконе той придет,
Тот верного Целителя —
Заступника найдет.

Евграф фон-Крузе, 1860

В начале XIX века про домик Петра I писал Генрих фон Реймерс: «В 1711 г. монарх заложил собственный дом по прусскому образцу. Указом от 4 апреля 1714 г. этот дом был объявлен образцом для всех строящихся в городе домов, по этому образцу было построено здание Сената и других коллегий, а также гостиницы для иностранных послов»⁵.

В своих записках фон Реймерс возвращается к описанию домика, сообщая при этом новые подробности: «На расположенном справа от крепости большом острове⁶, мо-

³ Петрова Елена. От войн и болезней // АиФ, 2015, № 4. С. 28.

⁴ Журнал «Странник», 1860, октябрь. Отд. II. С. 307.

⁵ Реймерс Генрих фон. Санкт-Петербург в конце своего первого столетия. СПб.: Росток, 2007. С. 71.

⁶ Петербургском, ныне называемом Петроградской стороной.

нарх приказал возвести для себя домик длиной в 8 саженой и шириной в 3 сажени. В нем было две комнаты и сени, снаружи он был раскрашен под кирпич, на голландский манер. Враг роскоши и излишеств, он обе комнаты обил тканью, и достойнее не бывал он нигде, нежели в этой хижине. Здесь великий человек набросал поразительный план, который он по большей части выполнил и полностью осуществил бы, не будь его смертью украдена его мощь. Здесь он сделал наброски роскошных зданий, украсивших резиденцию российских властителей; здесь он заложил крепость, Адмиралтейство, военные и торговые гавани в Кронштадте, завел Академию наук в столице»⁷.

В записках барона Христиана Генриха фон Гайлинга под 27 июня 1770 года читаем: «В 500 шагах от крепости виден небольшой домик, в котором Петр жил 12 лет, прежде чем ему пришла мысль основать Петербург. Домик — одноэтажный и состоит из небольшого салона, спальни и приемной — все сделано из дерева, очень гладко и просто. Видно изображение Христа, написанного маслом Петром I по-настоящему хорошо»⁸.

О домике Петра I в своих записках упомянул и Джеймс Александер в 1829 году. «Деревянный домик Петра I находится на берегу реки рядом с крепостью. Одноэтажный, трехкомнатный, с очень низкими потолками; домик был выстроен для императора, когда тот начинал возводить новую столицу, — пишет английский офицер. — В одной из комнат царь принимал министров, в другой он ел и спал, а третья использовалась как **часовня** — в ней находится оправленная в серебро икона и лампада. На веранде стоит лодка с острым носом и кормой, похожая на те, что применяют при охоте на китов. Мы дали денег часовому, и он позволил отрезать маленький кусочек парусины»⁹.

Более подробные сведения о домике Петра I содержатся в записках Астольфа Кюстина, посетившего Санкт-Петербург в 1839 году. «Мне захотелось получше рассмотреть знаменитую крепость, — пишет французский путешественник. — Для начала слуга привел меня к расположенному перед ней домику Петра Великого; от крепостных стен его отделяет пустырь, пересеченный дорогой. Хижина эта, как утверждают русские, выглядит сегодня точно так же, как выглядела при Петре. <...> Живя в хижине, император-работник наблюдал за строительством своей будущей столицы. В похвалу ему следует сказать, что тогда он больше заботился о городе, чем о дворце. Одна из комнат этой прославленной лачуги — та, что служила царю-плотнику мастерской, — нынче превращена в **часовню**; люди входят в нее с таким же благоговением, как в самые прекрасные храмы империи. Русские охотно делают из своих героев святых. Им нравится смешивать воедино устрашающие добродетели своих повелителей и чудотворную мощь их небесных заступников; они стремятся освятить жестокости истории авторитетом веры. <...> Возвратимся к хижине царя. Мне показали построенный им ботик и некоторые другие вещи, принадлежавшие ему и сберегаемые с благоговейным почтением; подле них несет караул солдат-ветеран. В России при церквях, дворцах и многих общественных заведениях, а равно и частных домах служат сторожами отставные солдаты. Эти несчастные покидают казарму в столь преклонных летах, что им не остается ничего другого, кроме как сделаться привратниками. На новом посту они продолжают носить солдатскую шинель — грубый шерстяной балахон тусклого, грязного цвета; у дверей любого дома, у ворот любого общественного заведения вас встречают люди, одетые таким образом, — призраки в мундирах, напоминающие вам, что вы живете в царстве дисциплины. Петербург — военный лагерь, ставший городом.

⁷ Реймерс Генрих фон. Указ. соч. С. 69.

⁸ Записки барона Христиана Генриха фон Гайлинга о поездке в Россию в 1770—1771 гг. // Новая и новейшая история, 2000, № 5. С. 121.

⁹ Александер Джеймс. Россия глазами иностранца. М., 2008. С. 46.

Проводник мой не оставил без внимания ни одну картину, ни одну деревушку в императорской хижине. Охраняющий ее ветеран, зажегши несколько свечей в часовне — иными словами, прославленной конуре, показал мне спальню Петра Великого, императора всея Руси: нынешний плотник постыдился бы поселить в ней своего ученика»¹⁰.

...В 1930 году **часовню** закрыли, икону передали в Троицкую церковь на Стремянной улице, а после ее закрытия и разрушения — в Спасо-Преображенский собор¹¹.

ИСААКИЕВСКИЙ СОБОР

«Исаакиевский собор — одно из замечательнейших монументальных зданий в Европе; благодаря своим колоссальным размерам, гигантским трудам, употребленным для его сооружения, а также несметным богатствам, его украшающим, он считается первым и единственным по красоте и величию храмом во всей России»¹² — такая оценка дается этому храму в одном из дореволюционных изданий, и эти слова на сегодня не утратили своего значения.

Нынешнее здание собора было воздвигнуто в середине XIX столетия, но еще в 1710 году в Санкт-Петербурге была сооружена деревянная церковь Исаакия Далматского, названная так по имени святого, день памяти которого, 30 мая (ст. ст.) совпал с датой рождения Петра I. В «Описании Санкт-Петербурга и Кроншлота в 1710-м и 1711 годах» кратко говорится о том, что «рядом с Адмиралтейством маленькая русская церковь, или часовня»¹³. Вероятно, это и есть церковь Исаакия Далматского, которая сначала была деревянная, на лугу, против адмиралтейской башни. Другой неизвестный автор, побывавший в Петербурге в 1716—1717 годах, уделяет этой церкви чуть больше внимания: «По левую руку от верфи находится адмиралтейская церковь (Исаакиевская. — *Авт.*), в которую Двор ходит на церковную службу. Она сделана из дерева и мала. Поэтому должны ее убрать с этого места и против нее построить новую»¹⁴.

Маленькая первоначальная деревянная церковь Исаакия Далматского, поставленная в 1710 году на лугу против ворот Адмиралтейства, скоро обветшала, и в 1717 году Петр I собственноручно заложил каменную, приблизительно там, где теперь стоит Медный всадник.

«Слева от Адмиралтейства в 1716 г. была построена деревянная церковь святого Исаакия, служившая иногда и нуждам двора, — пишет фон Реймерс. — В следующем году она была заменена каменной (которая стоит между Невой и памятником Петру Великому) с колокольной высотой в 12 сажений. На колокольне находился купленный в Амстердаме за 35 тысяч руб. колокольный набор; в церковь в 1735 г. ударила молния, и она вместе с колокольной стала добычей огня»¹⁵. Церковь строилась по проекту архитектора Г. И. Маттарнови; с кончиной последнего (1719) работы возглавил Н. Ф. Гербель (умер в 1724 году) и затем Я. Неупокоев. Церковь была завершена в 1727 году и стояла до 1763 года¹⁶.

¹⁰ Кюстин Астольф де. Россия в 1839 году. Т. 1. М., 1996. С. 136—137.

¹¹ Петрова Елена. Указ. соч. С. 28.

¹² Лавры, монастыри и храмы на Святой Руси. Санкт-Петербургская епархия. СПб., 1908. С. 21.

¹³ Описание Санкт-Петербурга и Кроншлота в 1710-м и 1711 годах. СПб., 1860. С. 64.

¹⁴ Описание столичного города Санкт-Петербурга (1716—1717) // Белые ночи. Л., 1975. С. 215.

¹⁵ Реймерс Генрих фон. Санкт-Петербург в конце своего первого столетия. СПб.: Росток, 2007. С. 79.

¹⁶ Богданов А. И. Описание Санктпетербурга. С. 295; Колотов М. Г. Исаакиевский собор. Л.; М., 1966. С. 7; Бутиков Г. П., Хвостова Г. А. Исаакиевский собор. М., 1979. С. 6—10.

На колокольне храма были поставлены часы, специально выписанные Петром I из Амстердама¹⁷. Двухъярусная деревянная колокольная со шпилем сгорела от удара молнии 21 апреля или 26 июня 1735 года; по А. И. Богданову, «в 1735 году июня 26 дня, соборная церковь святого Исаакия Далматского Божиим посещением от громовой молнии (Исаакиевская) загорелась». В пожаре погибли и органные часы, выписанные вместе с часами для Петропавловского собора из Голландии¹⁸. Об этом упоминает К.-Р. Берк: «На Исаакиевской церкви были красивые куранты, пока она некоторое время тому назад не сгорела вместе со своим ревностным звонарем, не пожелавшим покинуть пост; он остался на колокольне и звонил, пока пламя не покончило с ним»¹⁹. Со временем стены церкви отстроили почти заново, своды были сделаны каменными.

Так храм выглядел во время правления Анны Иоанновны. 18 октября 1740 года, после смерти императрицы, был обнародован манифест, согласно которому российский престол наследовал трехмесячный Иоанн Антонович, сын Анны Леопольдовны и герцога Антона Ульриха Брауншвейг-Люнебургского. 23 октября в церкви Святого Исаакия Далматского состоялась церемония приведения к присяге на верность новому императору, а по существу — герцогу Бирону, объявленному регентом²⁰.

Православные петербуржцы, не желавшие терпеть немецкое засилье, отказывались порой от присяги. Так, например, в одном из документов того времени читаем: «17 октября 1740 года при Адмиралтействе на полковом дворе прапорщик Горемыкин распорядился о приводе к присяге по случаю назначения наследника престола. Трое из сосланных на работу — Иван Ильинский, Ларион Агашков, Кирилл Козлов — „потопленные раскольщики“, объявили, что они „к той присяге нейдут, для того что та присяга учинена благоверному государю Великому Князю Иоанну, а он родился не от христианской крови и не в правосерии... На формальном допросе Ильинский пояснил, что „отец Его Высочества иноземец и в церковь не ходит и святым иконам не поклоняется, о чем он, Ильинский, признавает собою, что иноземцы последуют отпадшей западной Римской Церкви“»²¹.

С этого времени в Исаакиевском соборе, как и в других церквях России, за богослужениями стали поминаться имена императорской фамилии, причем здесь не обошлось без недовольства как православного населения, так и претендентов на российский престол. Об этом упоминает в своих записках маркиз де ля Шетарди; в своем письме от 5 ноября (н. ст.) 1740 года он сообщает из Петербурга: «Народ еще недоволен тем, что в церквях молятся за лицо не их вероисповедания. Молитвы эти ныне произносятся: 1) за царя, 2) за принцессу Анну, 3) за принцессу Елизавету и 4) за герцога Курляндского (Бирона. — *Авт.*). Это обстоятельство напоминает переданное мне, что принцесса Елизавета, всегда поминавшаяся на ектеньях непосредственно за царицей, спрашивала регента (Бирона. — *Авт.*) о причине такого изменения и получила от него в ответ, что она сама представляет пример, что при Екатерине ее поминали прежде, но это не помешало вступить на престол Петру II, и тогда прежде ее поминалась принцесса Наталья, сестра царствующего царя. То же самое ныне предоставлено матери того, кому принадлежит корона»²².

¹⁷ Лавры, монастыри и храмы на Святой Руси... С. 22.

¹⁸ Богданов А. И. Дополнение к историческому, географическому и топографическому описанию Санкт-Петербурга, с 1751 по 1762 год. М., 1903. С. 131, 132; Петров П. Н. История Санкт-Петербурга. С. 304.

¹⁹ Берк Карл Рейнхольд. Путевые заметки о России // Беспятовых Ю. Н. Петербург Анны Иоанновны в иностранных описаниях. СПб., 1997. С. 116.

²⁰ Маркиз де ля Шетарди в России (1740–1742). СПб., 1862. С. 179.

²¹ Там же. С. 198–199. Прим.

²² Там же. С. 149.

Как известно, через месяц после назначения Бирона регентом мать императора Иоанна — Анна Леопольдовна — с помощью генерала Миниха свергла Бирона и сослала его в Пелым. Через некоторое время в ссылку в Березово отправился и Остерман, при Анне Иоанновне ведавший внешней политикой России. Но это произошло уже после того, как в результате дворцового переворота 25 ноября 1741 года к власти пришла Елизавета Петровна. Атмосферу неопределенности, царившую в этот переходный период, передает письмо, написанное французским дипломатом из круга маркиза Шетарди; его содержание интересно тем, что в нем говорится о роли православного духовенства в разворачивавшихся событиях.

«Есть два средства, одинаково сильные в пользу Елизаветы: одно религия, другое — отмщение оскорбления, нанесенного духовенству при избрании на царство Анны (Леопольдовны. — *Авт.*), тетки правительницы, — говорится в письме из Петербурга. — Остерман велит внушить духовенству, что последняя нимало не православна, что муж ее лютеранин и иноземец и оба не упустят случая воспитать молодого царя, их сына, в догматах, противных господствующей в стране вере. Какой повод к волнению для народа суеверного, когда подобные внушения будут переданы священниками, исповедниками! Что может быть сильнее и способнее для возбуждения черни и солдатства! Действуя таким образом, духовенство будет думать, что оно защищает собственное свое дело, и вот тому причина: в собрании чинов 1730 года духовенство было исключено при избрании на царство Анны (Иоанновны. — *Авт.*) под предлогом, что оно себя унизило соучастием в возведении на престол по кончине Петра I его супруги. Более и не нужно ничего, чтобы возбудить ненависть духовенства против распоряжения царицы Анны (Иоанновны. — *Авт.*) в пользу сына своей племянницы. Должно удивляться, что маркиз де ля Шетарди не упомянул ничего об участии, которое может принять духовенство в деле принцессы Елизаветы»²³.

...В елизаветинскую эпоху дело с возведением нового Исаакиевского собора почти не продвигалось, и лишь в конце царствования императрицы — в 1761 году — было решено разобрать обветшавший храм и приступить к возведению нового. «В 1768 году положено Государынею основание великолепныя Исаакиевския церкви, коея строение и донныне еще продолжается»²⁴, — писал в 1790-х годах И.-Г. Георги.

Фон Реймерс добавляет: «Из-за болотистой почвы не последовало восстановления церкви — боялись, что берег Невы от большой тяжести подается, пока, наконец, в 1768 г. Екатерина Великая не построила несколько далее от Невы, на левом берегу Крюкова канала церковь во имя того же святого, где она и теперь стоит, воздвигнутая в мраморе»²⁵.

На церемонию закладки камня в основание будущего храма были приглашены российские знатные особы, а также некоторые иностранцы, жившие в столице. В их числе Кэткарт Чарльз Шоу (1721—1776) — генерал-лейтенант британской армии (1760), в 1768—1772 годах чрезвычайный посол Великобритании в Российской империи, а также Уильям Ричардсон, выпускник-филолог университета в Глазго. Оба англичанина в своих записках оставили подробные сообщения об увиденном (приложения 1 и 2).

«30 мая 1768 г., в день рождения Петра Великого и праздник святого Исаакия, Екатерина заложила камень в основание мраморной Исаакиевской церкви как свидетельство всеобщего уважения к памяти ее великого предка, — пишет фон Реймерс. — Выше уже было упомянуто, что прежде недалеко от этого места была сначала деревянная, затем каменная церковь, освященная во имя того же святого. Местоположение ны-

²³ Там же. С. 197—198.

²⁴ Георги И.-Г. Описание российско-императорского столичного города Санкт-Петербурга и достопамятностей в окрестностях оного. СПб., 1794. С. 23.

²⁵ Реймерс Генрих фон. Санкт-Петербург в конце своего первого столетия. СПб.: Росток, 2007. С. 79.

нешней мраморной Исаакиевской церкви замечательно, к северу от нее находится Петровская площадь, а к югу — неправильной формы, скорее треугольная, очень хорошо застроенная Исаакиевская площадь. Обе площади простираются от Невы до Мойки. У этой церкви основание сильно укреплено сваями, на нем установлен гранитный фундамент, а на нем — стены, облицованные финским, сибирским, а также иностранным мрамором (желтый — итальянский из Сиены, пестрый — из Тивдии и Рускеалы в Олонецкой губернии). Мрамора много изнутри и снаружи, при строительстве использованы даже яшма и порфир; базы и капители колонн и столбов украшены позолоченной бронзой. Прекрасная башня и пять куполов над алтарем должны были ее украсить, и она могла бы стать самой великолепной церковью столицы; однако частые войны в царствование Екатерины замедлили строительство и завершение ее. Первыми архитекторами этой церкви были итальянец Ринальди и два немца, Бюст и Штенгель»²⁶.

Стены собора предполагалось облицевать мрамором; его заготовка началась задолго до возведения храма, о чем пишет Генриетта Каролина Гессен-Дармштадтская: «5 сентября н.с. 1773 г. Вчера вечером меня водили в мастерские, где обрабатывают мрамор для Исаакиевской церкви, которую императрица велела построить из мрамора внутри и снаружи, она будет превосходна. До ее царствования этим мраморам не находили никакого применения, едва догадывались, что провинции могли поставлять его»²⁷.

Испанский дипломат Луис дель Кастильо жил в Санкт-Петербурге в 1788—1792 годах — в эпоху строительства «второго храма». Вот что он сообщает об этом: «Много лет назад приступили к строительству Церкви Святого Исаакия, которая по завершении работ станет одною из красивейших и великолепнейших на свете; она строится из здешнего мрамора, залежи коего обнаружил некий финский священнослужитель на одном из островов Ладожского озера. Там добывается до двадцати сортов мрамора, но хоть они столь же богатых тонов, сколь итальянские, однако ж уступают им в блеске»²⁸.

Собор был сооружен в 1768—1802 годах по проекту архитектора А. Ринальди; строил здание архитектор В. Ф. Бренна. Любопытные подробности об этом проекте сообщает Джованни Джакомо Казанова. «Первая новость, услышанная мною при Дворе, была та, что государыня указом повелела воздвигнуть храм Господень на Морской, насупротив моей квартиры, — пишет венецианский гость. — В архитекторы избран был ею Ринальди. Сей философ спросил, какую эмблему поместить над порталом собора, а императрица отвечала, что никакой не надобно, пусть только напишет большими буквами **Бог** на том языке, на каком пожелает. — Я изображу треугольник. — Никакого треугольника. Бог и весь сказ»²⁹.

Основной период строительства собора пришелся на время правления Екатерины II; он был почти закончен при Павле I. Французский автор Шарль Массон, который провел ряд лет при дворе Екатерины II и Павла I, пишет об этом «долгострое»: «По случаю возведения многих на самом деле еще не выстроенных зданий были выбиты медали, как, например, в честь мраморной церкви, которая вот уже в течение двадцати лет все стоит в лесах»³⁰.

²⁶ Реймерс Генрих фон. Санкт-Петербург в конце своего первого столетия. СПб.: Росток, 2007. С. 210.

²⁷ Цит. по: Екатерининский Петербург глазами иностранцев. Неизданные письма 1770-х годов. СПб., 2013. С. 206—207.

²⁸ Кастильо Луис дель. Краткий хронологический компендиум истории и нынешнего состояния Российской империи // Образ Петербурга в Испании. СПб., 2003. С. 38.

²⁹ Казанова Д. История моей жизни. М., 1990. С. 575.

³⁰ Массон Ш. Секретные записки о России. М., 1996. С. 55.

«По прошествии 28 лет церковь стояла недостроенной; когда император Павел взошел на трон, полуразвалившиеся деревянные дома, вокруг церкви, в которых жили мастеровые и полировщики мрамора, состоявшие при строительстве, портили площадь и ему не нравились, — пишет фон Реймерс. — Поэтому в 1799 г. он поручил своему архитектору, действительному статскому советнику Бренне, поставить колокольню и черепичный купол на стены, тогда уже облицованные мрамором и доведенные до карниза, и таким образом полностью завершить строительство церкви. Так оно вскоре и получилось. Длина церкви с колокольней, основание которой 4,5 сажени длиной и столько же шириной, высота же 20 саженей, составляет 37 и две трети, а ширина — 30 саженей; купол высотой 16 саженей имеет 9 саженей в поперечнике. Базы и капители колонн сделаны из алебастра и выкрашены темно-серой масляной краской. Стоимость строительства по мрамору достигала, вероятно, двух миллионов, да еще черепица на 282 тысяч рублей. Павел I не дожидаясь конца строительства, и лишь в начале правления нынешнего монарха сооружение было завершено. Старые бараки вокруг снесены, вся площадь очищена»³¹.

Как раз в это время Петербург посетил французский аббат Жоржель. Вот что пишет он об Исаакиевском соборе: «Напротив статуи (Петра I. — *Авт.*) виднеется греческая (православная. — *Авт.*) церковь Исаакия, называемая Мраморным собором. Купол его крыт золоченой медью. Екатерина заложила его 30 лет тому назад, но он до сих пор еще не окончен, — сообщает автор. — Стены, столпы, колонны — все из мрамора, как снаружи, так и внутри. Ко дню смерти императрицы две трети постройки были окончены, это самый обширный храм Санкт-Петербурга. Павел I достраивает его медленно. Большие и прекрасные мраморные глыбы, привезенные согласно первоначальному проекту для окончательной отделки храма, были взяты царем для колонн нового дворца, который он строит... Эту церковь достраивают из кирпича, который оштукатурят под мрамор»³².

Строительство Исаакиевского собора предполагалось завершить к 100-летию основания града Петрова; как раз в этом году в Петербурге побывал швейцарский пастор Этьен Дюмон, ранее уже гостивший в столице (в 1784—1785 годах). Дюмон в своих записках под 15/27 мая 1803 года сообщает: «Справлялся праздник в память основания Петербурга... Все войска были вызваны; Двор отправился торжественной процессией в Исаакиевский собор, откуда пешком в Сенат. При входе процессии в церковь последовали громкие пушечные выстрелы с канонерок, с крепости и с Адмиралтейства. Замечательным и характерным в этом празднике был большой линейный корабль, вооруженный 104 пушками и поставленный на Неве почти против памятника Петру I; на него со справедливой гордостью подняли маленькую шлюпку, первую из построенных в Петербурге, и притом руками его основателя... В шлюпке находились 4 старика, из которых каждому было более 100 лет; из них один видел, как было положено основание этому городу, считающемуся теперь первым в Европе».

В другом месте своих записок Этьен Дюмон вновь возвращается к Исаакиевскому собору, замечая по поводу завершения строительства: «Павел окончил постройку... начатую при его матери, но уже прерванную с давних пор. Собор был мраморным, — пишет пастор. — В своем нетерпении император приказал окончить постройку из кирпича и не придерживаться прежних пропорций, так что вид этого здания был крайне безобразен. По этому поводу сочинено очень удачное стихотворение»³³.

Что имел в виду Дюмон, так кратко упомянувший о трудностях, возникших при возведении Исаакиевского собора? Более подробные сведения находим в записках гра-

³¹ Реймерс Генрих фон. С.-Петербург в конце своего первого столетия. СПб.: Росток, 2007. С. 210.

³² Путешествие в Петербург аббата Жоржеля в царствование императора Павла I. М., 1913. С. 107.

³³ Дневник Этьена Дюмона об его приезде в Россию в 1803 году // Голос минувшего, 1913, февраль. С. 92.

фа Александра Ивановича Рибопьера, служащих своего рода дополнением к сведениям, приведенным Дюмоном. «Здесь место упомянуть о том, как окончен был Исаакиевский собор, — пишет он. — Унижая все содеянное или начатое матерью, Павел захотел разом окончить эту постройку. Собор был весь из мрамора, но чтобы скорее привести его к концу, верхнюю часть достроили кирпичом. Церковь освятили, и она оставалась до последних годов царствования Александра Павловича в обезображенном своем виде. Мраморные глыбы и колонны заготовлены были при Екатерине для окончания храма, но Павел Петрович, вечно спешивший и нуждавшийся в мраморах для Михайловского замка, приказал перевезти их к новому дворцу ночью, дабы не возмутить народ, которому подобное обирание храма Божия могло показаться святотатством. При виде обезображенной церкви какой-то сорвиголова приклеил к дверям нижеследующее двустушие.

Сей храм двум царствиям приличный:
Низ мраморный, а верх кирпичный.

В то время говорили, что несчастный сочинитель горько искупил свой стихотворческий порыв»³⁴.

А вот как выглядел Исаакиевский собор начала 1790-х годов в описании Иоганна Готлиба Георги. Отметив, что «Исаакиевская церковь есть единственная всеобщая церковь в сей первой части города», немецкий автор продолжает: «Исаакиевская церковь стоит на южной стороне Петровской площади выше Адмиралтейского канала. Екатерина Вторая заложила оную в 1767 году на место прежней малой Исаакиевской церкви по образцу, из коего видно, что она будет наивеликолепнейшая из всех греческих (православных. — *Авт.*) церквей; но окончание оной требует еще многих лет. Под основание вбиты сваи. Стены внизу покрыты диким камнем, а вверху полированным финляндским и сибирским мрамором разного цвета. Строение доведено до кровли. Внутри все стены и столбы покрыты прекрасным мрамором разных цветов, а попеременно также сибирскою яшмою и багровиком. Недостает еще сводов для кровли, верхней части прекрасной колокольни, кровли и пяти глав над алтарем. Положение церкви также выгодно; к северной стороне находится Петровская, а к южной нерегулярная, однако же более треугольная, весьма хорошо обустроенная Исаакиевская площадь»³⁵.

Хуан ван Гален, проведший два года в России (1818—1820), как бы подводит итог эпохи «второго храма». В его заметках излагается не только история строительства Исаакиевского собора, но и упоминается прилегающая площадь с памятником Петру I.

По другую сторону Адмиралтейства как бы симметрично Дворцовой площади высятся знаменитый Исаакиевский собор; строить сей храм начала Екатерина II, которая собственноручно заложила первый камень в его основание. Павел I, далекий от намерения продолжать работы по его возведению, забрал для Михайловского, или Летнего, дворца, где он и был убит, мраморные колонны, предназначавшиеся для этого собора, и их уже собирались сделать из кирпича и покрыть штукатуркой, но его наследник Александр, узнав о сумасбродных повелениях своего отца, приказал доставить на волокушах из глубинных частей империи шесть колоссальных гранитных колонн, изысканность которых столь восхищает ценителей архитектурных монументов. Исаакиевский собор, боковая стена Адмиралтейства, огромный и величественный фасад Сената, дворца, построенного по повелению Александра, привлекающего внимание своим портиком и красивейшей колоннадой, а также въезд на Наплавной мост образу-

³⁴ Записки графа Александра Ивановича Рибопьера // Русский архив, 1877. Т. 1. С. 483.

³⁵ Георги И.-Г. Указ. соч. С. 91—92.

ют квадратную площадь, в центре которой на гранитной скале высится конная бронзовая статуя Петра Великого, поставленная в его память Екатериной II. «Petro primo Catharina secunda». На величественном монолите Петр I верхом на коне вытягивает правую руку в сторону Невы, от которой его отделяет меньше ста шагов; он представлен в позе творца, победившего все препятствия и радующегося, глядя на свое творение; исполнение памятника было доверено французскому ваятелю Фальконе, который достойно воплотил замысел Екатерины II³⁶.

«30 мая 1802 г., т. е. ровно через 34 года после основания церкви, она была освящена обычным церковным порядком в присутствии царствующей и овдовевшей императриц (император уехал на встречу с прусским королем в Мемель), а также цесаревича великого князя Константана Павловича и великих княжон Марии Павловны и Екатерины Павловны митрополитом Новгородским Амвросием и архиепископом Псковским Иринеем в присутствии прочего духовенства, — пишет фон Реймерс. — По окончании литургии, совершенной митрополитом, членом святейшего Синода, архимандритом Михаилом была произнесена проповедь»³⁷.

Тот же Генрих фон Реймерс замечает: «Весной 1805 г. кирпичная часть Исаакиевской церкви должна быть разобрана, и церковь будет выстроена согласно первоначальному плану полностью из мрамора. Известно, что недавно умерший богатый русский купец Володимиров для исполнения этого строительства отказал в своем завещании три миллиона рублей и что его сын получил от правительства разрешение согласно волеизъявлению своего отца взять на себя расходы по перестройке церкви в мраморе»³⁸.

В 1817 году император Александр I решил окончательно перестроить собор и повелел французскому архитектору Огюсту Монферрану составить новый проект. Одним из условий было сохранить в первоначальном виде возможно большую часть существовавшего здания, особенно алтари, которые были освящены и в которых совершалось богослужение. Закладка храма по новому проекту была совершена 26 июля 1819 года. Возведение собора продолжалось почти 40 лет, так что многие иностранцы, посещавшие Петербург, могли наблюдать за ходом строительства.

Одним из них был Джеймс Эдвард Александер; его записи об увиденном датируются 1829 годом. «Исаакиевский собор фасадом обращен к Неве. Собор был заложен Петром Великим, однако Екатерина II решила, что храм будет недостаточно красив и приказала перестроить его в мраморе, — пишет английский автор. — Последнему императору не понравился архитектурный стиль собора, и он повелел его надстроить. По завершении строительства он станет одним из самых грандиозных храмов в мире. Работы начались; собор, высота которого составит 300 футов, должен иметь форму греческого креста с куполом в центре. Четыре портика состоят из 56-футовых колонн цельного гранита, их подъем и установка — зрелище весьма интересное. Сотни каменщиков, песнями облегчая себе работу, полируют под навесами эти гигантские монолиты»³⁹.

Активное участие в возведении Исаакиевского собора принимал испанский инженер-механик Агустин Бетанкур (1758—1824). С 1808 года он состоял на русской службе; в 1809 году основал в Петербурге Институт корпуса инженеров путей сообщения, которым руководил до конца жизни. В 1819—1822 годах — главный директор путей сообщения России. Руководил технической частью строительства Исаакиевского собора.

³⁶ Гален Хуан ван. Два года в России // Образ Петербурга в Испании. СПб., 2003. С. 68—69.

³⁷ Реймерс Генрих фон. Санкт-Петербург в конце своего первого столетия. СПб.: Росток, 2007. С. 211.

³⁸ Там же. С. 442. Прим. 39.

³⁹ Александер Джеймс. Россия глазами иностранца. М., 2008. С. 78.

Но прежде чем продолжить рассказ об Исаакиевском соборе, стоит упомянуть о том, что по проекту Монферрана на Дворцовой площади в 1829–1834 годах был воздвигнут Александрийский столп в честь победы над Наполеоном в Отечественной войне 1812 года. Начало строительства застал Джеймс Александер, прибывший в Санкт-Петербург в 1829 году. «В память о своем покойном брате нынешний император возводит против арки Главного штаба Александрийский столп, — пишет английский офицер. — Дорическая колонна высотой 84 фута сделана из гранитного монолита, общая высота памятника вместе с пьедесталом и крестом составит 150 футов. Пьедестал должен быть украшен орудиями, захваченными у неприятеля. Колонна будет превосходить любой подобный памятник, как древний, так и современный»⁴⁰.

Французский посланник при петербургском дворе — барон П. де Бургоэн, находившийся в российской столице с 1828-го по 1832 год, сообщает любопытные сведения об этом монументе. «По поводу этой колонны, — пишет он, — можно припомнить предложение, сделанное императору Николаю искусным французским архитектором Монферраном, который присутствовал при ее иссечении, перевозке и постановке, а именно: он предлагал императору высверлить внутри этой колонны винтообразную лестницу и требовал для этого только двух работников — мужчину и мальчика с молотом, резцом и корзиной, в которой мальчик выносил бы обломки гранита по мере его высверления; наконец, два фонаря, для освещения рабочих в их трудной работе. Через 10 лет, утверждал он, работник и мальчик (последний, конечно, немного вырастет) окончили бы свою винтовую лестницу; но император, по справедливости гордясь сооружением этого единственного в своем роде памятника, опасался, и, может быть, основательно, чтобы это высверление не пробilo внешние бока колонны, и потому отказался от этого предложения. Теперь эта колонна состоит из цельного гранита, и на нее нельзя, как на нашу траянскую в Париже, взбираться на верхнюю платформу»⁴¹.

Маркиз де Кюстин, побывавший в Петербурге в 1839 году, также упоминает про Александрийский столп, воздвигнутый на Дворцовой площади. Не обходит маркиз своим вниманием и строящийся собор. «На другом конце этой громадной площади, противоположном Александровской колонне, высится Исаакиевский собор, со своей громадной колоннадой, с позолоченным куполом, еще наполовину скрытый под лесами»⁴², — пишет он.

В другом месте своих записок де Кюстин останавливается на постройке более подробно. «На оконечности огромной, величиной с целое поле, площади, посреди которой высится колонна, перед вашим взором встает гранитная гора — петербургский собор Святого Исаака, — пишет он. — Памятник этот не так пышен, не так прекрасен по очертаниям и не так богат украшениями, как собор Святого Петра в Риме, однако не менее удивителен. Он еще не завершен, так что судить о нем в целом невозможно, однако это будет творение, никак не соотносимое с тем, на что дух нашего столетия подвигает нынче другие народы. Материалы его — гранит, бронза и железо: ничего больше. Цвета он впечатляющего, но мрачного; сей дивный храм, заложенный при Александре, вскоре будет завершен при Николае — тем же французом, г-ном де Монферраном, что возвел столп»⁴³.

У Астольфа Кюстина было негативное восприятие Православной церкви; оно было обострено свершившимся почти непосредственно перед его приездом в Россию,

⁴⁰ Там же. С. 42–43.

⁴¹ Воспоминания барона Бургоэна, французского посланника при Санкт-Петербургском дворе с 1828-го по 1832 год // Отечественные записки, 1864. Т. 157. № 11–12. С. 219–220.

⁴² Записки французского путешественника Кюстина // Русская старина, 1891, январь. С. 171–172.

⁴³ Кюстин Астольф де. Россия в 1839 году. Т. 1. М., 1996. С. 292.

в марте 1839 года, присоединением к Православной церкви двух миллионов верующих из Белоруссии и Литвы, которые прежде принадлежали к Унии, то есть при сохранении православных обрядов исповедовали католическое учение об исхождении Святого Духа и признавали папское первенство над Церковью. Поэтому, созерцая величественный собор, католик Кюстин «исходит желчью»: «Сколько усилий — и все ради церковного культа, изуродованного политикой! Ну так что ж? разве не прозвучит под этими сводами слово Божье? Но с амвонов византийских храмов истина более не возвещается. Пренебрегая заветами Афанасия Великого, Иоанна Златоуста⁴⁴, русские священники не проповедуют религию своим соотечественникам. Греко-московская Церковь сокращает число слов в богослужении, протестанты же, напротив, все богослужение сводят к одним словам, — ни те, ни другие не желают внимать Христу, Который, сзывая со всех концов земли свою заблудшую паству, с крестом в руках возвещает с кафедры собора святого Петра: „Придите ко мне все, чистые сердцем, имеющие уши, чтобы слышать, и глаза, чтобы видеть!..“»⁴⁵

Император Николай I постоянно интересовался ходом строительных работ. 26 октября 1838 года, как сообщает барон М. А. Корф, «Государь поднялся на леса новостроящегося Исаакиевского собора для личного обозрения работ и остался всем вполне доволен. Он долго любовался открывавшимися с этой высоты видами на целый Петербург и сожалел только об одном, именно, что памятник Петра Великого стоит несколько в стороне от церкви, чем нарушается симметрия»⁴⁶.

Астольф Кюстин также занимался «церковным альпинизмом». «Я поднимался на медный купол собора Святого Исаака, — пишет французский путешественник. — Церковь эта — из самых высоких в мире; одни леса ее уже памятник архитектуры. Строительство еще не закончено, поэтому я не могу составить себе представление о том, как она будет выглядеть целиком. Оттуда виден весь Петербург и прилегающие к нему равнины»⁴⁷.

В 1846—1847 годах одновременно с работой над скульптурами для Аничкова моста Петр Карлович Клодт украшал Исаакиевский собор, творение Огюста Монферрана, главный кафедральный собор города, строительство которого длилось легендарных сорок лет (1818—1858). Клодт выполнил для собора несколько рельефов, в их числе «Положение Христа во гроб», «Несение креста на Голгофу» и «Слава Христа». (В советские годы рельефы, по-видимому, были переплавлены, а их материал, серебро, был использован на другие цели.) Однако большая алтарная группа по-прежнему на месте⁴⁸.

Интересные подробности об Исаакиевском соборе сообщает жена английского посланника в Петербурге — леди Блумфильд, посетившая строительство 1 июня 1846 года: «Внутренность его была не окончена, кроме очень небольшой части, где все-таки сохраняются остатки прежней церкви. В России церковь не может быть совершенно разрушена и вновь отстроена, но часть старой постройки должна всегда оставаться. Мы зашли в мастерские Витали и видели некоторые модели; огромный барельеф, изображающий *Поклонение волхвов* над северной дверью, очень хорош. Купол построен по новой системе и весь сделан из кованого железа. Мы поднимались на 275 ступеней к куполу над церковью, откуда вид очень хорош; но местность вокруг Петербурга такая пло-

⁴⁴ Св. Афанасий Великий (296—373); св. Иоанн Златоуст (347—407) — отцы Церкви.

⁴⁵ Там же. С. 292. «Придите ко мне... чтобы видеть!..» — Контаминация евангельских речений (Матф., 11, 28; 5, 8; 11, 15).

⁴⁶ Из записок барона (впоследствии графа) М. А. Корфа // Русская старина, 1899, № 4—6. Т. 98. С. 541.

⁴⁷ Кюстин Астольф де. Россия в 1839 году. т. 1. М., 1996. С. 352.

⁴⁸ Хямляйнен-Форслунд Пирье. Роман Елизаветы. История семьи Клодтов—Ярнефельтов. СПб., 2002. С. 132—133.

ская, что совсем не интересна, и самый город со своими золочеными куполами и шпилями более всего поражает глаз... Мы посетили мастерскую, где делают 8 малахитовых колонн, заказанных Государем. Колонны сперва выковываются из бронзы, затем накладывают малахит в полвершка толщины, в бесчисленных маленьких кусочках, скрепляя их составом из малахита и мастики, после чего уже всю колонну полируют»⁴⁹.

Необычайным для строившихся тогда храмов было использование мозаичных украшений. «Мысль о мозаичных иконах в Исаакиевском соборе принадлежит императору Николаю Павловичу, — читаем в одном из описаний Исаакиевского собора. — Обозревая в 1846 году в Риме, во время путешествия по Италии, сокровища Ватикана и увидя, как мозаика сохраняет свежим художественное произведение, оригинал которого, писанный несколько сот лет тому назад, давно уже повредился или утратился, император вспомнил об Исаакиевском соборе и решил, несмотря ни на какие издержки, устроить мозаичные иконы в России. Для этого он повелел отправить в Рим четырех русских художников для изучения искусства мозаики, и там вскоре была устроена русская школа, которую впоследствии перенесли в С.-Петербург»⁵⁰.

В декабре 1856 года Исаакиевский собор посетил Хуан Валера «со товарищи». «Мы продолжаем знакомиться с достопримечательностями столицы. Позавчера побывали в церкви Святого Исаака, строительство которой заканчивается сейчас под руководством французского архитектора, называемого месье де Монферран, — сообщает испанский писатель. — Это греческий храм в стиле Святой Софии в Константинополе, но по богатству и красоте украшений он превосходит все, что я видел в своей жизни до сих пор. Тем не менее храм не слишком велик. Гранитные колонны, выполненные из единого куска, в большом количестве украшают и поддерживают экстерьер здания. Каждая из колонн — высотой в тридцать футов.

Купол красив и в высшей степени изыскан, и тоже украшен богатыми колоннами из яшмы, которые служат основанием для самой высокой части храма, сверкающей позолотой. Интерьер храма — истинное сокровище. Богатые картины, покрывающие стены, являются в основном произведениями итальянских и немецких мастеров, но они временны и будут заменены мозаикой, какая создается здесь и, как говорят, так же хороша, как в Риме. Разнообразие лепных и бронзовых украшений, украшений из яшмы, лазурита, малахита и из других дорогостоящих камней в храме удивительно. Иконostas украшают десять величественных малахитовых колонн. Три внутренних молельни, куда могут входить только священники и где совершается самый священный ритуал, являются невообразимым совершенством»⁵¹.

Исаакиевский собор был торжественно освящен 30 мая 1858 года, хотя еще до 1864 года внутри храма продолжались работы...

К 1858 году относятся записки, принадлежащие заморскому путешественнику Руссель-Киллугу, который намеревался проехать всю Россию и далее проследовать в Австралию, а на обратном пути — в Индию. Несмотря на обширность планов, он все же не мог не уделить внимания величественному Исаакиевскому собору, который по своим масштабам сам был очевидно соизмерим с замыслами бывалого путешественника. «Трудно вообразить себе, столько архитектурного великолепия, собранного в одном месте: повсюду бесконечные колоннады, куполы, шпицы, статуи, обелиски, так что глаз теряется в этом ослепительном разнообразии, — писал Руссель-Киллуг. — На необозримой Исаакиевской площади я остановился перед этим величественным собором, золотой купол которого блистал отблеском серебра под мягким светом луны; меня изумило то, что в его гигантских размерах было сохранено столько грации, и я мог

⁴⁹ Из воспоминаний леди Блумфильд // Русский архив, 1899, № 6. С. 238.

⁵⁰ Лавры, монастыри и храмы на Святой Руси. Санкт-Петербургская епархия. СПб., 1908. С. 33.

⁵¹ Валера Хуан. Письма из России. СПб., 2001. С. 53—54.

сравнить его достойно только с произведениями самой природы. Это была настоящая гора из порфира и металла, сама собою выросшая из недр каменистой равнины, и мне кажется, что даже в Париже нельзя найти ничего ей равного»⁵².

Ценность записей Русселя-Киллуга в том, что они сделаны как раз в том году, когда Исаакиевский собор был освящен и в нем только что начались регулярные богослужения. Вот что увидел путешественник внутри храма, присутствуя за богослужением: «На следующее утро я опять пошел в Исаакиевский собор, где мне посчастливилось попасть к самой обедне и видеть греческое (то есть православное. — *Авт.*) богослужение. Священники все почти молодые и колоссального роста, отпускают длинную бороду, покрывающую им всю грудь; а волосы их, расчесанные по обеим сторонам лба, выются густыми волнами по плечам; они медленно входили и выходили из алтаря, и на одном из них, вероятно на главном, была золотая диадема (митра. — *Авт.*). Первый певчий (диакон. — *Авт.*) был гигант, на которого было страшно смотреть и еще страшнее слышать; самая низкая педаль органа показалась бы просто свистком в сравнении с этим глухим, как будто выходящим из пещеры голосом. Из каминов при каждом взмахе вылетало голубоватое пламя, как блуждающий огонь на наших театрах; грустное церковное пение в минорном тоне звучало и повторялось замирающим эхом в сводах храма, блистающих порфиром, малахитом и золотом. Если бы ко всему этому прибавить еще звуки органа, то эта обстановка имела бы в себе нечто сверхъестественное»⁵³.

Читая страницы, посвященные Исаакиевскому собору, словно воочию видишь ново-построенный храм. И то, что в 1839 году было скрыто от маркиза де Кюстина за строительными лесами, спустя 20 лет, в 1858-м, открылось дугому путешественнику, Теофилю Готье, во всем своем великолепии: «Исаакиевский собор блещет в первом ряду церковных зданий, украшающих столицу всея Руси. Это — только что заверченный храм, целиком построенный в наши дни. Можно сказать, что это наивысшее достижение современной архитектуры. Немногим храмам выпало на долю прожить меньшее количество лет между тем, когда был заложен первый камень фундамента, и тем, когда встал на свое место завершающий камень всей постройки. Замысел французского архитектора Огюста Рикара де Монферрана выполнялся от начала и до конца без изменений, без других переработок, кроме внесенных им самим в собственный план во время строительных работ. На долю этого архитектора выпало редкое счастье завершить им же самим начатое строительство, которое по своему размаху, казалось, должно было поглотить жизнь не одного художника. Начатый в 1818 году при Александре I, продолженный при Николае I и заверченный в 1858 году при Александре II Исаакиевский собор — это полностью законченный снаружи и изнутри храм, обладающий превосходным единством стиля...»⁵⁴

Теофиль Готье подробно излагает историю строительства собора, описывает его интерьеры, иконостас, росписи стен, сводов⁵⁵. Сведения, приведенные писателем, настолько точны, что и сегодня глава, посвященная Исаакиевскому собору, могла бы служить путеводителем для тех, кто захотел бы посетить этот храм. «Исаакиевский собор — самая прекрасная церковь, построенная в наше время. Ее архитектура превосходно соответствует Санкт-Петербургу, самой молодой и новой столице»⁵⁶, — этими словами Готье заканчивает описание главного храма Российской империи.

Французскому писателю повезло: он смог видеть внутреннее убранство Исаакиевского собора во всей его первозданной красе. Однако спустя некоторое время после

⁵² Руссель-Киллуг А. Через Сибирь в Австралию и Индию. СПб., 1875. С. 9.

⁵³ Там же. С. 10.

⁵⁴ Готье Теофиль. Указ. соч. С. 179.

⁵⁵ Там же. С. 180—207.

⁵⁶ Там же. С. 207.

открытия храма отдельные образцы иконной живописи, мозаики не выдержали сурового петербургского климата и пришли в плохое состояние. «Уцелевшие оригиналы поступили в разные церкви, в Александро-Невскую лавру, в Висбаден, Париж и другие места»⁵⁷, — сообщалось в русской печати в 1880 году.

Интересные заметки о богослужении, совершавшемся в Исаакиевском соборе, принадлежат английскому писателю Льюису Кэрроллу, посетившему Россию в 1867 году. Вместе со своим спутником Лиддоном Кэрролл вошел под своды главного храма российской столицы. Вот что он записал в своем дневнике: «28 июля, воскресенье. С утра мы отправились в огромный Исаакиевский собор; но служба, шедшая по-славянски, была выше нашего разума. Поют здесь без музыкального сопровождения, однако голоса и без всякой помощи производят дивное впечатление. Исаакий — огромное квадратное здание, в котором вычленяются 4 равные части: алтарь, корабль и поперечные нефы; над центральной частью возвышается огромный купол (весь раззолоченный снаружи); окон при этом так мало, что внутри было бы почти темно, если бы не многочисленные иконы, развешанные по стенам, перед которыми горят свечи. Вообще говоря, перед каждой иконой горят только две большие свечи, однако тут же имеется множество подсвечников для тонких свечек, которые ставят те, кто молится перед этой иконой, — каждый приносит с собой свечку, зажигает ее и вставляет в подсвечник.

Участие прихожан в богослужении ограничивалось тем, что они кланялись и крестились, а иногда опускались на колени и касались лбом пола. Остается надеяться, что все это сопровождалось молчаливой молитвой: впрочем, вряд ли это возможно во всех случаях: я видел, как маленькие дети проделывали все это без малейшего выражения на лицах, которое указывало бы на то, что они придают этому какой-то смысл; одному маленькому мальчику (я заметил его днем в Казанском соборе), которого мать заставила стать на колени и коснуться пола лбом, было никак не больше 3-х лет. Люди кланялись и крестились перед иконами; поджидая на дворе Лиддона (я вышел, когда началась проповедь), я заметил, что многие делали то же, проходя мимо церковных дверей, даже если они шли по другой стороне невероятно широкой улицы. От входа в церковь на ту сторону улицы идет узкая дорожка, так что все, кто шел или ехал мимо, точно знали, когда они поравняются с церковью.

Кстати, крестятся, если можно так назвать, здесь следующим образом: указательным пальцем правой руки касаются лба, груди, правого и левого плеча⁵⁸; обычно это делается трижды, после чего каждый раз кланяются, потом крестятся в четвертый раз, уже без поклона. Облачения священнослужителей во время литургии совершенно великолепны»⁵⁹.

21 августа английские путешественники снова посетили Исаакиевский собор, о чем пишет Кэрролл: «Днем мы поднялись на верхушку Исаакиевского собора и насладились открывающимся оттуда видом этого величавого города. В ярком солнечном свете множество белых домов с зелеными и красными крышами выглядели чудесно»⁶⁰.

В дневнике Лиддона также читаем: «Затем мы отправились в Исаакиевский собор, где полюбовались великолепным видом, открывающимся из его купола. Мы видели восточный конец Финского залива; думаю, что в ясный день видны и берега Ладожского озера. Можно предположить, что подзорная труба Доджсона здесь пришлась очень кстати»⁶¹.

⁵⁷ Древняя и новая Россия, 1880, март. С. 610.

⁵⁸ Кэрролл ошибался: крестятся в России троерукием.

⁵⁹ Кэрролл Льюис. Дневник путешествия в Россию в 1867 году, или Русский дневник. СПб., 2013. С. 36–37.

⁶⁰ Там же. С. 65.

⁶¹ Там же. С. 374.

Георг Мориц Коэн Брандес (Georg Morris Cohen Brandes, 1842—1927) родился в Копенгагене, в семье богатого еврейского торговца текстилем. Его отец Херман Коэн Брандес, хотя и состоял членом еврейской религиозной общины, проявлял удивительное равнодушие к вопросам иудейской религии. Его сыну Георгу довелось переступить порог синагоги всего один раз, когда ему исполнилось тринадцать и подошло время «конфирмации» — первого чтения Пятикнижия — *бармицва* (сын Торы).

В 1887 году, будучи уже известным датским писателем, Брандес посетил Санкт-Петербург, но на Исаакиевский собор он смотрел лишь глазами искусствоведа: «На левом берегу Невы находится грандиозное здание Адмиралтейства и Исаакиевский собор, весь из гранита и мрамора, где путешественник впервые встречается со склонностью русских поражать богатством и великолепием материала, а не изяществом форм. Пол и стены собора отделаны сверкающим, полированным мрамором различных видов; есть колонны из лапис-лазури, высотой в пять метров, и девятиметровые колонны из малахита, с позолоченными основанием и капителями. Но во всем этом нет поражающей ваше воображение формы. Впервые встречаешь истинное искусство лишь тогда, когда останавливаешься перед смелым памятником Петру Великому работы Фальконе, где царь на вставшем на дыбы коне высится из глыбы финского гранита: по-видимому, это лучшая конная статуя нашего времени»⁶².

Дальнейшее описание Исаакиевского собора продолжает целая плеяда испанских «пилигримов».

Жасинт Вердагер (1884): «Исаакиевский собор, самая значительная церковь Санкт-Петербурга и одна из богатейших в мире, был заложен в 1819 году и освящен в 1858-м. Его держит фундамент из целого леса вбитых в землю балок, стоимостью в миллион дуро, а все здание обошлось в 15 миллионов. В основании его — греческий крест, все четыре конца которого одинаковы и соответствуют четырем огромным входам в здание; к каждому из них ведет просторная лестница. Входы украшены великолепным перистилем колонн высотой 60 английских футов и диаметром — 7, сделанных из финского гранитного монолита и увенчанных бронзовыми капителями. Над 112 колоннами, на высоте, вдвое превышающей их собственную, поднимается центральный купол 296 футов в высоту, покрытый позолоченной бронзой; он сравним с солнцем над горной грядой. Золота ушло 185 фунтов.

Внутреннее убранство храма не уступает — если не превосходит — в роскоши его внешнему виду. Стены и колонны из мрамора и яшмы, повсюду блеск бронзы, золота, серебра и драгоценных камней. Особенно примечательны две колонны из малахита, который, как правило, служит лишь материалом для ваз, колец или браслетов, и восемь из прекраснейшего лазурита; и те, и другие не могут ни с чем сравниться, разве что с одним из алтарей в Риме. Этот великий собор, который может называться Ватиканом Русской Церкви (созданный по его подобию), стоит на болотистой почве, на сомнительном и дорогостоящем фундаменте из миллионов свай, вбитых в землю. Когда подгниют сваи, хотя какое-то время они еще продержатся, храм неминуемо обрушится; вот что его ждет, поскольку кое-где гранитные колонны уже дали трещину, а стены подвержены вибрации»⁶³.

Одон де Буэн (1886): «Великолепен Исаакиевский собор (церковь Св. Исаакия). Он окружен огромной колоннадой, к которой ведут широкие гранитные ступени. Купол собора — прекрасное сооружение; можно подняться на него по 550 ступеням и насладиться с высоты чудесным видом. Интерьер храма, блестящая коллекция разных ви-

⁶² Брандес Георг. Русские впечатления. М., 2002. С. 40.

⁶³ Вердагер Жасинт. Петербург (Из книги «Поездки и путешествия») // Образ Петербурга в Испании. СПб., 2003. С. 130—131.

дов мрамора, на мой взгляд, выполнен с недостаточным вкусом, ему не хватает стройности; в главном алтаре — малахитовые и лазуритовые колонны, красивые мозаичные картины, много металла и много камня»⁶⁴.

Мануэль де Мендивиль (1901): «Тот, кто хочет увидеть нечто в высшей степени пышное и стройное, богатое и искусное, должен будет посетить Исаакиевский собор: его фасад сочетает мрамор и гранит, его портики копируют римский Пантеон, на его бронзовых дверях гениальный мастер изобразил невообразимые чудеса... Я видел интерьер храма, наполненный миром и тишиной, пронизанный нерешительным светом, который пробивался сквозь цветные стекла; светом, мягко и скромно омывающим огромные колонны из малахита и ляпис-лазури, бронзовые капители, простенки из яшмы со вставками из позолоченного металла, серебряную дарохранительницу, старые и потрескавшиеся картины, похожие на мозаику, и мозаики, такие чистые и тонкие, что кажутся написанными кистью... Затем, с трудом поднявшись по нескончаемой лестнице, я оказался наверху и увидел под собой весь Петербург, с его широкими перспективами, зелеными садами, синей Невой и золотыми куполами церквей»⁶⁵.

В 1902 году российская столица приветствовала французского президента Лубе, который в сопровождении свиты прибыл в Россию с дружеским визитом. В один из дней своего пребывания в граде Петровом, как раз после посещения Александро-Невской лавры, Э. Лубе по Невскому проспекту и Большой Морской улице направился в Исаакиевский собор. «Не было момента более величественного по энтузиазму массы, как проезд президента по Невскому из Лавры в Исаакиевский собор»⁶⁶, — сообщалось в столичной прессе. По прибытии высокого гостя к Исаакиевскому собору его встретил у экипажа соборный диакон. Следуя за ним, президент поднялся к главным входным воротам собора. Ему навстречу вышли настоятель протоиерей Иоанн Соболев с четырьмя протоиереями. Настоятель, приветствуя президента Лубе, поднес ему икону Спасителя⁶⁷. Приняв святую икону, французский президент поблагодарил отца настоятеля, а затем проследовал в храм со свитой для его подробного осмотра. Здесь президенту были поднесены художественно изданное описание собора и альбом с изображениями его интерьера и наружного вида⁶⁸.

...В июне 1923 года собор был закрыт для прихожан. В стенах его в 1931 году был открыт антирелигиозный музей, один из первых в стране, да и в мире, разумеется... Впрочем, уже спустя шесть лет профиль музея изменился: собор превратился в «историко-художественный музей-памятник».

В начале 1930-х годов в городе на Неве побывал испанский публицист Феликс Рос. Будучи республиканцем, он был приглашен в Советский Союз в качестве «полезного идиота» (ленинское выражение для «друзей Страны Советов»). Поэтому он пишет о храмах и старинных памятниках в критическом стиле.

Исаакиевский собор отделяет площадь Декабристов от площади Воровского⁶⁹. Эта часть Ленинграда выглядит так: левое плечо креста составляет длинное здание Адмиралтейства с его садами; в конце концов и сады, и Адмиралтейство упираются в площадь Декабристов. Напротив стоит здание бывшего Сената, по левую сторону от него течет Нева, а справа обрамление площади замыкает собор. За собором — это

⁶⁴ Буэн Одон де. Испанский путешественник в Петербурге XIX века (Из книги «От Христиании до Туггура» // Образ Петербурга в Испании. СПб., 2003. С. 141.

⁶⁵ Мендивиль Мануэль де. Санкт-Петербург // Образ Петербурга в Испании. СПб., 2003. С. 154.

⁶⁶ Миссионерское обозрение, 1902, май. С. 1003.

⁶⁷ Там же.

⁶⁸ Там же.

⁶⁹ Исаакиевская площадь носила имя Воровского в 1923—1944 годах.

значит, как будто что-то свисает с левой перекладины креста, — находится площадь Воровского. Две эти площади напоминают о царствовании Николая Первого, который стал царем по стечению обстоятельств. Именно он поручил в 1811 году Монферрану строительство собора⁷⁰ в итальянском стиле, второго в мире по величине, с его ста двенадцатью колоннами и с избытком украшений, которые его только портят; работы были завершены лишь в 1858 году. Конная статуя царя Николая стоит на площади перед собором; теперь говорят, что скульптор, ее делавший, решил поиздеваться над императором — и правда, столько чванства! По углам пьедестала расположены скульптурные изображения супруги и четырех дочерей императора, одной из которых он подарил дворец, стоящий здесь же; он так и называется — Марининский, теперь здесь промышленная академия»⁷¹.

...Все течет, все меняется, и спустя 60 с лишним лет после закрытия храма, 17 июня 1990 года, в воскресенье, в Исаакиевском соборе вновь состоялось торжественное богослужение. Божественную литургию св. Иоанна Златоуста здесь совершил Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексей II. Эта литургия совершалась в самом большом соборе России, являвшемся некогда первым по своей значимости храмом Русской православной церкви. Громкоговорители, установленные снаружи у колоннады собора, транслировали ход богослужения на прилегающие площади.

По окончании богослужения, обращаясь к молящимся, Его Святейшество сказал: «Сегодняшняя служба показала, что Исаакиевский собор можно прекрасно использовать и как храм, и как музей... Ныне все поняли, что возрожденная нравственность позволит преодолеть бездуховность, поразившую общество, сделает нас милосердными, терпимыми друг к другу. Итак, будьте совершенны, как совершенен Отец наш Небесный. Тогда мы решим все проблемы, стоящие перед народом, Церковью и обществом нашим»⁷². К этому времени тематика музейной экспозиции приобрела чисто церковный характер; отныне богослужения в Исаакиевском соборе совершаются ежегодно по великим праздникам — на Рождество Христово и на Пасху.

Приложение 1. Лорд Кэткорт о закладке первого камня в основание церкви св. Исаакия. СПб. 12 августа 1768 года

Кэткорт Чарльз Шоу (1721—1776) — генерал-лейтенант британской армии (1760), в 1768—1772 годах — чрезвычайный посол Великобритании в Российской империи. По возвращении в Великобританию он был избран ректором Университета Глазго в 1773 году.

Прошлая пятница была назначена для закладки первого камня великолепной церкви во имя св. Исаакия, что должно было быть выполнено самой императрицей с большой торжественностью и церемонией. Я получил приглашение от графа Брюса⁷³, управлявшего работами, для себя и своей семьи, но мыслей не имел появляться до моей аудиенции. В среду после полудня вице-канцлер отдал мне визит и сказал, что императрица, несмотря на то, что это не принято обычаем, принимая во вни-

⁷⁰ Строительство собора началось в 1818 году, при Александре I.

⁷¹ Рос Феликс. Южанин в России // Образ Петербурга в Испании. СПб., 2003. С. 194. Ленинградская промышленная академия располагалась в Марининском дворце в 1930-е годы.

⁷² Ленинградская правда, № 140, 19.06.1990.

⁷³ Брюс Яков Александрович (1732—1791) — генерал-аншеф (с 1773 года), участник Семилетней войны и Русско-турецкой войны 1768—1774 годов, сенатор, градоначальник Санкт-Петербурга и Москвы, главнокомандующий войсками Москвы (1784—1786).

мание, что я *Ambassadeur de Famille* [семейный посол]⁷⁴, желает познакомиться со мной как можно скорее и потому рассчитывает увидеть меня при этом случае.

Я отправился вместе с князем Лобковицем⁷⁵, который имел любезность проводить меня в палатку, где я был представлен большей части придворных дам, принявших меня весьма любезно. Граф Брюс всем распоряжался; был устроен храм и триумфальная арка вместе с платформой, чтобы Ее Величество могла подойти к храму, где был размещен камень вместе с надписью, медалями и монетами.

В назначенный час Ее Императорское Величество прибыла, предшествуемая епископами, архимандритами и прочим высшим священством вместе с придворными певчими, которые разместились на платформе перед Ее Величеством и отслужили молебен. Невозможно было видеть эту процессию и размышлять об этом событии, не вспомнив следующие строки Вергилия, которые дадут более верное понятие о наружности императрицы, чем мое собственное описание:

Talis erat Dido, talem se laeta ferebat
Per medios, instans opera regisque futuris.
Jam foribus Divae, media testudine temple,
Saepta armis, soleoque alti sublime resedit.
Jura dabat legesque viris, operumque laborem
Patribus aequabat justis...

Та же, веселья полна, средь толпы выступала Дидона,
Думы трудам посвятив и заботам о будущем царстве.
В храма преддверье вступив, под сводчатой кровлей царица
Тотчас садится на трон, и стражи ее окружают;
Суд вершит и законы дает мужам и работы
Поровну делит она иль по жребию их назначает...

Я имел честь быть представленным великому князю, а вслед за тем и императрице и целовал ее руку. При этом многочисленном собрании Ее Императорскому Величеству угодно было оказать мне отличие многими вопросами и поручением мне, после того как положила камень, медали и проч. в большой камень и частично погрузила их в раствор, добавить извести лопаткой, которую употребляла она и великий князь⁷⁶, что я и сделал, а вслед за мной и некоторые другие государственные сановники, после чего императрица помогла опустить камень на предназначенное ему место, находившееся на значительной глубине.

Все было завершено проповедью, которую произнес архимандрит по имени отец Платон⁷⁷, который, судя по жестам и звукам его голоса, показался мне чрезвычайно красноречивым, чем он и заслужил признание. Он является наставником великого князя, который так хорошо воспользовался преподаванием по всем отраслям,

⁷⁴ Во многих архивах выражение «семья посла» обозначает всех лиц, подчиненных посланнику. Местные власти считали их членами семьи дипломата.

⁷⁵ Лобковиц (Лобкович) Йозеф Мария Карл (1725–1802) — князь, фельдмаршал, посол Священной Римской империи в Санкт-Петербурге в 1764–1767 годах, участник переговоров о разделе Польши.

⁷⁶ Как видно из описания церемонии в газете «Санкт-Петербургские ведомости», для гостей предназначалась отдельная лопатка (Описание церемонии уложения первого камня в основание соборной церкви св. Исаакия. 8 августа 1768 г. // Санкт-Петербургские ведомости. Прибавление к № 69, 26 августа 1768 г. См. также в: Екатерининский Петербург глазами иностранцев. Неизданные письма 1770-х годов. СПб., 2013. С. 245–250).

⁷⁷ Платон (Левшин) (1737–1812) — придворный проповедник и учитель закона Божия великого князя Павла Петровича, а также наместник (с 1763 года) и архимандрит (с 1766 года) Троице-Сергиевой лавры; член Святейшего Синода, с 1775 года — архиепископ Московский, а с 1787 года — митрополит Московский и Коломенский.

что приносит большую честь своему воспитателю Панину⁷⁸ и всем принимающим участие в его образовании.

Я никогда не видел такого торжественного и великолепного зрелища, но не должен забыть упомянуть одно удивительнейшее обстоятельство: все духовенство подходило соответственное своему рангу и целовало руку императрицы, а она в то же время целовала каждую из их рук...⁷⁹

Приложение 2. Уильям Ричардсон о закладке первого камня в основание церкви св. Исаакия. 19 августа 1768 года

Я только что вернулся с церемонии закладки императрицей камня в основание церкви в честь св. Исаакия, которую намереваются сделать самой большой в С.-Петербурге. Русские почитают св. Исаакия не в силу его каких-либо достоинств, а потому что день, посвященный ему, был днем рождения Петра Великого. Поскольку русские понимают, что всякий день года посвящен определенному святому, они верят, что каждый человек находится под покровительством того святого, в чей день он появился на свет; и каждый из них носит на шее маленький металлический образ своего святого <...>

Так как церемония, которую я теперь буду описывать, была признана имеющей большую важность, она прошла с большим торжеством и великолепием. Все пространство, которое займет церковь, было заблаговременно огорожено, и внутри находились только лица высшего ранга и те, кто имел особое приглашение. Бесчисленная толпа народа собралась вокруг. Арка, поддерживаемая восемью опорами коринфского ордера, украшенная гирляндами, возвышалась как раз над местом, предназначенном для алтаря.

Под этой аркой находился стол, покрытый пунцовым бархатом, тканым золотом. Сверху был размещен маленький мраморный ковчег, прикрепленный к шнуру, свисавшему над столом. На боковом столе, прикрепленном к одной из опор, находилось большое золотое блюдо с медалями и монетами, предназначенными к закладке в основание, и золотая коробка для них. На другом боковом столе было другое золотое блюдо с двумя кусками мрамора в форме кирпичей, золотое блюдо с раствором и два других блюда того же металла, в которых лежали два молота и две золотые лопатки.

Процессию начал великий князь [Павел Петрович] со своей свитой. Этот молодой принц, наследник Российской империи, одет был в морскую форму, белую с зелеными отворотами, и имел голубую ленту ордена св. Александра Невского. Его сопровождал граф Панин, его воспитатель, который также и премьер-министр.

Вскоре после того, как он прибыл, барабанным боем и выстрелом из пушки Адмиралтейства было объявлено о прибытии императрицы. Затем пушка стреляла с равными промежутками все время церемонии. Великий князь, беседовавший со своими придворными, вышел навстречу своей матери и влился в ее свиту. Теперь приближались главные участники процессии. Впереди шествовали священники низшего ранга в длинных пурпурных, или темного цвета, шерстяных одеяниях с широкими рукавами; их головы оставались непокрытыми, и их волосы струились по плечам; они кадили благовония из маленьких курильниц, висевших на цепях, и несли флаги, на которых яркими красками были изображены деяния и, я думаю, мучения св. Исаакия.

За ними следовали священники высшего ранга с непокрытыми, как у предшествовавших, головами, но одеты они были в пестрые одеяния, вытканые золотом и серебром, и несли они превосходные кресты, горящие свечи и большой портрет святого.

⁷⁸ Панин Никита Иванович (1718–1783) — дипломат, министр иностранных дел, воспитатель великого князя Павла Петровича.

⁷⁹ Сб. РИО, т. 12. СПб., 1873. С. 349–351 // Екатерининский Петербург глазами иностранцев. Незданные письма 1770-х годов. СПб., 2013. С. 251–252.

Сразу после них проследовала группа певчих, поющих гимны; музыка была в низких тонах, торжественная и даже величественная. За ними шествовало высшее духовенство в одеяниях из золотых и серебряных материй, украшенных дорогими камнями, в величественных митрах, украшенных подобным образом. Их внешность была величественна, с седыми локонами и длинными бородами; они казались многочисленными Сократами и Зенонами; хотя, время от времени, можно было увидеть и превосходного Силену, который выглядел удивленным от того, что он священник⁸⁰.

Несколько больших восковых свечей несли непосредственно перед Ее Императорским Величеством, следовавшей за ними в сопровождении большого числа дам и кавалеров <...> После того, как вся процессия прибыла на место, богослужение началось с чтения молитв, исполнения музыки и всех помпезных церемониалов Греческой Церкви. Распятие после того, как высший иерарх окунул его в серебряную емкость с водой, было поднесено императрице и великому князю. Склоняясь и крестя свою грудь во свидетельство почтения, они поцеловали его.

Святой водой окропили всех присутствующих и обнесли их курильницами с благоговениями. Затем, после того как подобающие греческому богослужению речи были громко зачитаны в сопровождении молитв и музыки, другой высший священник положил медали на пунцовую подушку, тканную золотом, поднял их над своей головой и обнес вокруг алтаря.

После того, как таким способом они были посвящены и уложены в мраморный ковчег, императрица, очень непринужденно отдав свой зонтик слуге и грациозно взяв одной рукой молот, а другой кусок мрамора, вложила его в ковчег. Затем лопаткой она уложила туда немного раствора. Тот же самый церемониал был совершен великим князем и высшим духовенством. Некоторые из дворян и иностранных министров также внесли немного раствора. Затем мраморный ковчег был закрыт и вознесен шнуром вверх. В это самое мгновение стол опустился вниз через люк и мгновенно исчез. И Ее Императорское Величество дернула за шнур, и ковчег ушел вниз под платформу на свое место.

Когда все было совершено, придворный священник подошел к кафедре, закрепленной на опоре, и зачитал краткую пламенную речь на русском языке. Я только могу судить о его манере, которая не была отталкивающей, и о звучании языка, плавного и приятного. Вся церемония завершилась позволением императрицы высшему духовенству целовать руку, что они охотно сделали с заметным шумом и казались более довольными такой возможностью, нежели Ее Императорское Величество, не смотря на ее улыбку⁸¹.

⁸⁰ Сократ, Зенон — древнегреческие философы. Силен — в древнегреческой мифологии воспитатель и спутник Диониса, веселый и добродушный старик с мехом вина.

⁸¹ Цит. по: Екатеринбург глазами иностранцев. Неизданные письма 1770-х годов. СПб., 2013. С. 19—23.